

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Валентин
КАТАЕВ

ВОЛНЫ ЧЕРНОГО МОРЯ

♦

ЗИМНИЙ ВЕТЕР

♦

ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ

ТОМ II

Харьков
«Фолио»
2014

1. ОСКОЛОК

Петя — или, как он теперь назывался, прапорщик Бачей — услышал одновременно два звука: свист гранаты и рывок воздуха. Никогда еще эти звуки не были так угрожающе близки и опасны.

Затем его подкосило, подбросило вверх, и он на лету потерял сознание.

Когда же он открыл глаза, то увидел, что лежит щечкой на земле. Он чувствовал, как от удара об землю гудит все его тело, в особенности голова. Вместе с тем он видел, как волочится по земле пыль и дым того самого снаряда, который только что разорвался рядом.

Из свежей воронки тянуло тошнотворно-острым запахом жженого целлулоидного гребешка.

«Значит, я не убит, — подумал он. — Но что же со мной делается? Я лежу, а вокруг бой. Наверное, я ранен. Но куда?»

Едва он это подумал, как сразу ощутил боль в двух местах: болела голова и болел живот, как будто бы по нему изо всех сил ударили палкой.

Петя потрогал голову, на которой по-прежнему крепко сидела стальная каска. Ощупав каску, он обнаружил крупную вмятину от осколка. Так вот почему болит голова и так оглушающе звенит в ушах. Но это не ранение, а в худшем случае контузия. Значит, он ранен не в голову, а в живот. Он ужаснулся. Ранение в живот почти всегда смертельно. Это знали все фронтовики и больше всего боялись раны в живот.

Холодный пот выступил у Пети на лбу под каской. Он не решился сразу посмотреть на свой живот. Сначала он скользнул глазами по груди и увидел свернутый в скатку новенький непромокаемый офицерский плащ, который перед атакой надел по-солдатски через плечо.

Теперь этот плащ был изорван осколками в клочья. Сигнальная ракета, которую Петя продолжал сжимать в кулаке, была перерублена осколком, и горючая смесь сыпалась из картонной трубки.

Прапорщик Бачей был артиллерийским офицером при пехотном батальоне. Должность, недавно введенная в армии. Его обязанность заключалась в том, чтобы во время атаки находиться в пехотной цепи, и, если нужно, перенести артиллерийский огонь вперед или назад, то пускать красную или зеленую сигнальную ракету. Он только что собрался пустить красную ракету, чтобы перенести огонь вперед, но не успел.

Щегольской френч — новенький, с иголки, — с четырьмя большими карманами на груди и на бедрах был кое-где запачкан землей.

Живот продолжал зловеще ныть. Петя сделал над собой усилие и наконец заставил себя посмотреть на живот. Он ожидал увидеть рваную громадную рану, но ее не оказалось. Нижняя часть френча была не только цела, но даже нисколько не запачкана землей.

Петя осмотрел свои руки, ноги в недавно сшитых хромо-вых сапогах, пошевелил туловищем, прижатым к земле.

К своему крайнему удивлению, радости, но вместе с тем и легкому разочарованию, Петя понял, что он цел. На нем не было ни одной царапины.

Это меняло дело.

Раз ты не ранен, то нечего лежать на земле, а надо подниматься и поскорее догнать цепь, которая уже перевалила за гребень высоты, откуда слышалось протяжное стоголосое «ура».

Высоко над головой туда и обратно с безжалостным скрежетом, свистом и всхлипываниями пролетали снаряды разных калибров, чиркали по земле и посвистывали в воздухе шальные пули, и не так-то легко было заставить себя оторваться от матушки-земли и встать на ноги.

Все существо Пети протестовало против необходимости снова идти в огонь.

Другое дело, если бы он был ранен. Ну хотя бы немножко. Тогда он имел бы право остаться на месте, уползти назад, выйти из-под обстрела и хотя бы на некоторое время освободиться от ежеминутной возможности смерти.

Петя уже воевал два года, только что дослужился до прапорщика, имел солдатский Георгиевский крест, но каждый

раз в бою испытывал все то же суеверное чувство неизбежной смерти именно сегодня.

С течением времени он научился управлять этим изнурительным чувством, которое, впрочем, бесследно исчезало, как только проходила опасность.

Прижавшись к земле, Петя продолжал самым внимательным образом осматривать себя, втайне надеясь найти хотя бы маленькую рану. Он надеялся на рану, как на чудо.

Раны не было.

Тогда Петя поднялся на ноги. Отряхиваясь от земли, он еще раз с сожалением посмотрел на побитый осколками плащ.

Совсем близко он увидел двух окровавленных мертвых солдат с короткими саперными лопатками в кожаных чехлах на поясе и понял, что солдаты убиты тем же самым снаряжением, который свалил его взрывной волной.

Делать нечего, надо догонять роту.

Петя бросил испорченную ракету, вытащил из-за пояса другую, исправную. Приготовил и, продолжая чувствовать во всем теле угрюмое гудение, сделал несколько шагов по вспапанной снарядами земле.

В это время к нему подбежал прапорщик Колесничук.

— Петька, что с тобой? Ты ранен?

— Ничего подобного, — с плохо скрытой досадой сказал Петя.

— На тебе лица нет.

— Еще чего!

— А я говорю, что ты ранен.

Колесничук стал всматриваться в Петино лицо.

— У тебя разорвалось прямо-таки под самыми ногами. Я видел. Не может быть, чтобы ни один осколок не зацепил.

— Зацепил, да только не тело, — с иронией сказал Петя, показывая изодранный плащ.

— Невероятно! Да нет же. Пари, что ты ранен. Иду на что хочешь!

С этими словами добряк Колесничук стал со всех сторон осматривать Петю.

— Я, наверное, все же контужен, — слабым голосом сказал Петя. — Адская головная боль. И головокружение. Положительно не могу держаться на ногах.

Он преувеличивал. Конечно, он отлично мог держаться на ногах, и голова у него уже совсем не болела, а только шумело в ушах, да и то не так сильно, как сначала.

Петя оперся на плечо товарища.

— Лучше я здесь где-нибудь отлежусь, или, даже еще лучше, пусть меня отнесут в... околоток.

У Пети не хватило совести сказать — в лазарет.

— Как ты думаешь, Жора? — уже совсем жалобно проговорил Петя с легким стоном, за который сам себя презирал. Потом он сел на землю.

— Стой! Ага! — вдруг с торжеством крикнул Колесничук. — Вот сюда. Я так и знал. — С этими словами он коснулся пальцами Петиных галифе немного пониже кармана. — Ого, брат, сколько натекло!

Петя посмотрел и не поверил своим глазам. Карман его только что пошитых ультрамодных бриджей из дорогой темно-синей гвардейской диагонали теперь почернел и был мокрый, как будто в нем раздавили помидор.

— Видишь, сколько крови? — сказал Колесничук, болезненно морщась и чуть не плача от жалости к своему старому гимназическому товарищу, с которым они оказались в одной дивизии.

— Ишь, куда попало. По самому канту врезало. — Петя увидел в мокром сукне маленькую рваную дырочку. Не могло быть сомнений: он ранен. И, по всей вероятности, ранен легко, потому что боли почти не чувствовал.

— Носилки! — крикнул Колесничук.

— Не надо, — сказал Петя неожиданно для самого себя. — Ты мне, Жора, только помоги перевязаться. Я остаюсь в строю. — И он строго посмотрел на приятеля.

Это был именно тот случай, о котором Петя давно уже мечтал, как и большинство прапорщиков: быть раненым и остаться в строю.

Так как вокруг все еще продолжали посвистывать шальные пули, а время от времени рвались и снаряды, то оба прапорщика отползли немного назад и сели в лощинке, среди поломанного орешника.

Здесь Колесничук, продолжая морщиться и качать головой, разорвал индивидуальный пакет, который был привязан к его шашке, а Бачей расстегнулся, опустил галифе и вдруг увидел свою голую ляжку, пробитую насквозь осколком.

Вид этих свежих красных дырок, откуда сочилась и текла по белому телу — его телу! — жидкая кровь — его кровь! — так поразил Петю (в особенности яркость крови), что у него закружилась голова. Он успел схватиться руками за шею

Колесничука, который в это время неумело, но решительно накладывал на рану розовую вату бинта.

Тут подоспели носилки.

Петя Бачей заскрипел зубами, когда прямо на раны стали лить черный, как деготь, японский йод. Затем фельдшер перевязал рану, туго обкатав бинтом Петину поясницу.

Петя застегнулся и снова надел пояс с пистолетом и полевой сумкой, которые теперь показались ему слишком тяжелыми. Он с сожалением посмотрел на свои попорченные осколком, пропитавшиеся кровью бриджи.

— Ничего, — сказал Колесничук, — отпарятся. Ходить можешь?

Петя встал и сделал несколько шагов, но тотчас почувствовал довольно сильную боль. Он пошатнулся. Фельдшер подхватил его под руки и бережно посадил на землю.

— Нет, нет, пустите меня, я пойду в цепь! — сказал Петя, понимая, что теперь его уже в цепь не пустят, а отнесут на носилках в тыл.

В это время по знаку фельдшера санитары сбегали куда-то в кусты и вернулись с носилками.

— Лягайте, господин прапорщик, — сказал фельдшер, деликатно подставляя Пете плечо.

— Хорошо. Но только не дальше полкового госпиталя.

— Это как бог даст, господин прапорщик. Счастливого вам пути!

В голосе фельдшера Пете послышалась плохо скрытая зависть.

Санитары, преувеличенно суетясь, помогли раненому прапорщику лечь на носилки, и покрыли его сверху продырявленным макинтошем, побитым осколками.

Они заметно торопились. Им явно не терпелось поскорее вместе с носилками раненого выбраться с линии огня в тыл.

— Ну, Петя, будь здоров, поправляйся, а я пошел догонять роту. Старайся попасть в Одессу, кланяйся там моей Раисе.

Раиса была его молодая жена, попросту Раечка, урожденная Лурье, бывшая одесская гимназистка, хорошо знакомая Пете с детских лет.

Они поцеловались, и последнее, что видел Петя на поле боя, была долговязая фигура Колесничука, который, в каске на затылке, время от времени приседая и бросаясь на землю, бежал зигзагами по гребню высоты, догоняя свою цепь.